

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ В СОСТОЯНИИ АФФЕКТА

Д.А. Даровских,
аспирант кафедры
уголовного права и криминологии
БГУЭП

В статье обращается внимание на значимость сильных эмоциональных переживаний, возникающих у обороняющегося в момент посягательства, что особенно важно для точной квалификации его действий, так как характер душевного волнения может рассматриваться в качестве одного из основных критериев разграничения преступлений при превышении пределов необходимой обороны от преступлений, совершенных в состоянии аффекта.

The article highlights the importance of strong emotional feelings that arise from the defender at the time of assault, which is especially important for the exact qualifications of its actions, as well as the nature of emotion can be seen as a major criterion of the distinction between crimes which exceed the limits of necessary defense of the crimes committed of passion¹.

Любое посягательство зачастую вызывает у обороняющегося душевное волнение, страх, растерянность, которые в значительной степени затрудняют самоконтроль, осмысливание обстановки, правильность выбора начального момента, средств и способов защиты. В таких условиях можно не заметить факторов, которые в действительности уменьшают опасность.

При оценке действий обороняющегося следует учитывать его эмоциональное состояние, на что указано и в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 16 августа 1984 г. № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств»: «Судам следует иметь в виду, что в состоянии душевного волнения, вызванного посягательством, обороняющийся не всегда может точно взвесить характер опасности и избрать соразмерные средства защиты»¹. Поэтому и в определении превышения пределов необходимой обороны указывается на необходимость установления именно явного несоответствия обороны опасности посягательства.

¹ Darovskikh D.A. Peculiaraty qualification of defensive action in the heat of passion.

Действительно, экстремальная обстановка совершающегося посягательства не дает обороняющемуся возможность объективно оценить происходящее и четко рассчитать допустимую степень ответных действий. Кроме того, в таких условиях возможно возникновение у него определенных эмоциональных состояний, которые могут существенно повлиять на «свободу воли». Это может быть состояние физиологического аффекта, которое понимается как “дезорганизация психической деятельности, при которой человек не теряет полностью понимания ситуации и совершаемых им действий, но в значительной мере теряет над ними контроль”², так и иные эмоциональные состояния, оказывающие существенное влияние на сознание и поведение человека: состояние эмоционального напряжения и эмоционального возбуждения. Несмотря на то, что последние не достигают по своей интенсивности степени физиологического аффекта, правоприменитель определяет их как внезапно возникшие сильные душевные волнения и приравнивает к состоянию аффекта³.

Каковы особенности квалификации действий лиц в подобных случаях?

Так, С. был признан виновным в причинении тяжкого вреда здоровью в состоянии аффекта, вызванного неправомерными действиями К.

Престарелый С. пришел домой к братьям К., Вл. и В., с просьбой помочь вспахать ему огород. В это время пьяный Вл. беспричинно стал придирается, оскорблять и избивать С. Повалив С. на пол, он сел на него, ударил коленом по лицу, ручкой кухонного ножа – по голове, вырвал клочок волос, приставлял нож к горлу и угрожал расправой. Затем Вл., приставив нож к спине С., повел его к выходу из дома. Последний, опасаясь за свою жизнь, выбил из его рук нож и нанес им Вл. два ранения, чем причинил тяжкий вред здоровью, опасный для жизни в момент причинения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ приговор в отношении С. отменила, а уголовное дело прекратила. При этом, не придав самостоятельного юридического значения состоянию аффекта, указала, что осужденный правомерно защищал свою жизнь и здоровье от нападения братьев К., сопряженного с насилием опасным для жизни и здоровья, находился и действовал в состоянии необходимой обороны и ее пределов не превысил⁴.

Действительно, согласно ст. 37 УК РФ причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны не является преступлением. При этом наличие или отсутствие у обороняющегося состояния аффекта не имеет юридического значения.

Но как квалифицировать действия обороняющегося, который, находясь в состоянии аффекта, явно превышает необходимые меры защиты, причиняя смерть либо тяжкий вред посягающему?

Уголовный кодекс РФ предусматривает привилегированные составы убийства и причинения вреда здоровью в состоянии аффекта (ст.ст. 107, 113 УК РФ). Но существуют также и составы преступлений, обязательным признаком которых является превышение пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108, ч. 1 ст. 114 УК РФ).

Наблюдается ли здесь конкуренция норм? Либо речь идет абсолютно о различных преступлениях, схожих по ряду признаков и требующих четкого разграничения?

Г.А. Кригер⁵, Н.И. Загородников, А.В. Наумов⁶ предлагали разграничивать указанные преступления в зависимости от характера поведения потерпевшего, послужившего причиной действий виновного.

Так, в ч. 1 ст. 107 УК РФ перечисляются обстоятельства, которые могут вызвать состояние аффекта. Это насилие, издевательство или тяжкое оскорбление со стороны потерпевшего, иные противоправные или аморальные действия, а равно длительная психотравмирующая ситуация, возникающая в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего. Как видно, большая часть этих обстоятельств не может являться основанием необходимой обороны. Она, например, недопустима против издевательства. Что же касается насилия, то предполагалось, что убийство в состоянии аффекта возможно в ответ только на насилие, которое, как правило, по-своему характеру заведомо не опасно для жизни и здоровья человека, а угрожало лишь его телесной неприкосновенности. Если же насилие было заведомо опасно для жизни и здоровья лица, то у него возникает право на необходимую оборону, в процессе которой возможно превышение ее пределов.

Но закон молчит о какой-либо дифференциации степени насилия как основания для разграничения названных составов. Более того, и право необходимой обороны возникает у лица не только в случае угрозы причинения насилия опасного для жизни и здоровья.

Исходя из смысла диспозиции ст. 107 УК РФ, любое физическое насилие, а равно противоправные действия могут быть причиной возникновения аффекта. При этом сложно отрицать, что названное при определенных условиях может быть и основанием необходимой обороны, в ходе осуществления которой возможно превысить ее пределы.

Таким образом, представляется, что перечень причин аффекта, указанный в законе, шире по сравнению с возможными основаниями необходимой обороны, это не может способствовать разграничению рассматриваемых преступлений.

В.Н. Ткаченко предлагал проводить разграничение по хронологии действий обеих сторон⁷, т.е., если при наличии прочих условий, действия потерпевшего и виновного совпадают во времени, то налицо состояние необходимой обороны с возможным превышением ее пределов. В действиях же лица, находящегося в состоянии аффекта, «в отличие от необходимой обороны, причинение вреда посягающему происходит после окончания или прекращения противоправного деяния»⁸.

Что также не бесспорно – состояние аффекта может наличествовать в процессе обороны и не должно оставаться без внимания правоприменителя.

Таким образом, можно предположить, что нормы, предусматривающие ответственность за совершение преступлений при превышении пределов

необходимой обороны, являются специальными по отношению к нормам, устанавливающим ответственность за преступления в состоянии аффекта.

Пленум Верховного суда СССР в постановлении № 14 от 16 августа 1984 г. «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» утвердительно отвечает на этот вопрос: «Если обороняющийся превысил пределы необходимой обороны в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, действия виновного надлежит квалифицировать по ст. 105 или ст. 111 УК РСФСР (ч. 1 ст. 108 или ч. 1 ст. 114 УК РФ)».

Согласны были с этим и некоторые исследователи полагающие, что действия при превышении пределов необходимой обороны менее общественно опасны, чем действия, совершенные в состоянии аффекта⁹. Сильное душевное волнение при эксцессе обороны выступает как сопутствующее субъективное обстоятельство и на квалификацию действий обороняющегося не влияет.

В подтверждение вышесказанного обращалось внимание на размер санкции статей, предусматривающих ответственность за преступления в состоянии аффекта и преступления при превышении пределов необходимой обороны. Действительно, в ч. 1 ст.ст. 108, 114 УК РФ возможный размер наказания несколько ниже, чем в ст.ст. 107, 113 УК РФ.

Но существует и иная точка зрения, согласно которой превышение пределов необходимой обороны, совершенное в состоянии аффекта, исключает уголовную ответственность вне зависимости от наступивших последствий¹⁰.

Для обоснования такой позиции исследователи обращаются к разработкам психологии, различающей аффекты в зависимости от роли ими выполняемой.

Действительно, один и тот же повод у одного человека может вызвать чувство гнева и желание крушить все на своем пути, у другого – чувство страха, стремление как можно быстрее обезопасить себя. Отсюда и многообразие видов проявления аффекта: радость, печаль, отчаянье, гнев, ненависть, страх, ужас¹¹.

Представляется, что для убийства в состоянии аффекта характерны аффекты гнева, ненависти, отчаяния, а также подобные им состояния, которые вызываются индивидуально-неприятными поводами и являются агрессивной реакцией на них. Самозащитный характер таких состояний состоит в том, что человек испытывает потребность в эмоциональной разрядке путем агрессии как способе обретения оптимального для него состояния¹². Последствия, которые в результате этого причиняются, желаемые. Виновный, совершая преступление в состоянии аффекта, действует с прямым умыслом. В литературе высказывалось мнение о том, что убийство в состоянии аффекта возможно с косвенным умыслом, так как виновный не всегда четко осознаёт последствия своих действий. Но вряд ли с этим можно согласиться, хотя бы потому, что прямой умысел может быть как определенным, так и неопределенным. Последний характеризуется тем, что у

виновного имеется не индивидуально-определенное, а обобщенное представление об объективных свойствах своих действий¹³. Таким образом, именно достижение желаемого результата – причинение вреда потерпевшему обеспечивает эмоциональную разрядку виновного.

Так, Ф. вместе с друзьями и сестрой приехал к П. Последний вел себя вызывающе, схватил М. – сестру Ф. за подбородок и заявил, что совершит с ней половой акт. Далее, за ужином, П. ударил М. по руке, угрожал ножом, бросил табурет в приятеля Ф. Ф. забрал нож у П., попытался уладить конфликт. Но через некоторое время П. снова направился к М., Ф. пытался остановить, поговорить с ним, но П. его оттолкнул. Тогда Ф. несколько раз ударил П. ножом в грудь, в результате чего тот скончался.

В ходе следствия была проведена судебно-психолого-психиатрическая экспертиза Ф., которой было установлено, что возникшая ситуация остро переживалась Ф. и вызвала тяжелый аффектированный взрыв, характеризующийся, в частности, резким снижением сознания с экспрессивным переживанием обиды, гнева, ярости¹⁴.

Из примера видно, что действия Ф. продиктованы вспышкой гнева. И, несмотря на то, что в рассматриваемой ситуации имело место основание необходимой обороны (посягательство на здоровье М., угроза посягательством на половую неприкосновенность), Ф. правом необходимой обороны не воспользовался – в его действиях не усматривается желание защитить, оградить М., он стремился выплеснуть свой гнев, раздражение, вызванное поведением П., путем причинения вреда обидчику.

Что же касается аффекта при совершении оборонительных действий, то он имеет иную природу, нежели аффекты гнева и ненависти, и психологией именуется аффектом страха или ужаса. Он вызывается ситуациями, создающими значительную угрозу (действительную или воображаемую) наиболее важным благам человека, и приводит в движение инстинкты самосохранения. Действия, совершённые в этом состоянии, носят чистый оборонительный характер и направлены на устранение опасности, на защиту¹⁵.

Должна ли в таком случае наступать ответственность за причинение тяжкого вреда здоровью либо смерти при превышении пределов необходимой обороны?

Р.М. Юсупов рассуждает следующим образом: «Если обороняющийся превышает пределы необходимой обороны или действует по окончании посягательства в состоянии аффекта страха, то это происходит вследствие преувеличения оценки опасности посягательства. При такой ошибке его ответные действия не могут быть квалифицированы как умышленное преступление, так как лицо не осознаёт факта превышения пределов необходимой обороны либо окончания посягательства ввиду аффектированного состояния. И в этом случае имеет место невинное причинение вреда»¹⁶.

Действительно, аффект, например, страха, вызванный посягательством, ограничивает возможность обороняющегося объективно оценить общественную опасность посягательства, соразмерность ответных действий

вследствие чего возможно причинение вреда явно не соответствующего опасности посягательства. Будет ли это невиновным причинение вреда?

Согласно ч. 1 ст. 28 УК РФ деяние признается совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать общественной опасности своих действий, возможности наступления последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть.

Аффект, а также приравненные к нему состояния, – это предельные, экстремальные состояния, вызывающие резкие изменения в психической деятельности человека, что проявляется в его поведении и конкретных действиях.

Однако такие состояния не носят характер патологии, не вызывают помрачение сознания, не ликвидируют контроль над действиями и поведением человека. Вместе с тем не исключается некоторое сужение сознания, снижение уровня контроля, что не исключает полностью возможности осознания человеком своих действий, предвидения наступления последствий¹⁷.

Так, К. пришел в квартиру к Н., требовал самогон, вел себя агрессивно, оскорблял Н., на просьбы покинуть квартиру не реагировал. Затем ударил Н. обрезком стекла, бил, угрожал расправой. В результате действий К. Н. были причинены множественные телесные повреждения. Тогда Н. поднял с пола нож и выставил вперед, убив К. Проведенная на следствии психолого-психиатрическая экспертиза показала, что Н. в момент причинения К. смерти находился в состоянии аффекта, вызванного насилием и угрозами со стороны К., способность Н. руководить своими действиями была в значительной степени снижена¹⁸.

Таким образом, говорить, что лицо, находясь в состоянии аффекта либо приравненного к нему состояния по обстоятельствам дела, вообще не осознавало и не могло осознавать происходящего, представляется некорректным. Способность осознавать и руководить своими действиями в состоянии аффекта не блокируется, а значительно снижается.

В рассмотренном примере суд пришел к выводу, что Н. совершил убийство К. в состоянии аффекта, вызванного противоправным поведением потерпевшего (физическое насилие, угрозы расправы).

Полагаем, в подобных вышеприведенной ситуации случаях, когда нет данных, свидетельствующих о проявлении ярости, гнева обвиняемого (многочисленность ударов, особая жестокость в их причинении), необходимо особое внимание уделять характеру аффекта, доминирующим переживаниям обвиняемого в момент обороны (в рассмотренном примере действия Н. можно квалифицировать как оборону – имелось основание: избиение, угроза расправы; посягательство было наличным, реальным), что позволит более детально установить обстоятельства происшедшего и не допустить ошибок квалификации. Так как в подобных случаях может иметь место разновидность ошибки в характере совершаемых действий: лицо в силу своего состояния преувеличивая степень опасности посягательства, обороняясь явно несоразмерно, считает свои действия правомерными, их

общественную опасность не осознает. При этом обороняющийся, как выше было отмечено, не лишен возможности правильно оценить ситуацию и характер совершаемого действия – аффект не исключает вменяемости, а, следовательно, такой возможности, т.е. при необходимой внимательности и осмотрительности обороняющийся мог бы осознавать неправомерность своих действий, их несоразмерность посягательству.

Таким образом, можно говорить, что лицо в состоянии аффекта, аккумулирующего инстинкты самосохранения, превышает пределы необходимой обороны по неосторожности в форме небрежности.

Согласно ч. 2 ст. 37 УК РФ превышение пределов необходимой обороны признается неправомерным только при наличии умысла. Превышение пределов необходимой обороны по неосторожности не образует состава преступления.

Применение ст.ст. 107, 113 УК РФ в таких случаях представляется неправильным, так как умысел обороняющегося направлен на совершение правомерных действий – необходимой обороны, превышение же ее пределов – действия неосторожные.

Таким образом, превышение пределов необходимой обороны лицом, которое не осознает этого факта в силу своего особого эмоционального состояния (аффекта, вызвавшего у лица именно оборонительную, а не агрессивную реакцию), по нашему мнению, не образует состава преступления. Естественно, что характер реакции, вызванной аффектом, аккумулированные им переживания должны устанавливаться в каждом конкретном случае с привлечением экспертов и проведением психолого-психиатрической экспертизы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сборник постановлений Пленумов Верховных судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М.: СПАРК, 1995. С. 599.

² Нагаев В.В. Основы судебно-психологической экспертизы: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2000. 431 с.

³ Там же. С. 74-75.

⁴ Лицо, причинившее тяжкие телесные повреждения, признано действовавшим в состоянии необходимой обороны (извлечение) // Бюл. ВС РФ. 1998. № 6. С. 12.

⁵ См.: Бородин С.В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. М.: Юрист, 1994. 204 с.

⁶ Комментарий Уголовного кодекса РФ / под ред. А.В. Наумова. М.: Юристъ, 2001. 304 с.; Загородников Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву М.: Госюриздат, 1961. С. 189.

⁷ Ткаченко В.Н. Необходимая оборона по уголовному праву. М.: Юрид. лит., 1979. С. 112.

⁸ Там же. С. 113.

⁹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. Л.Л. Кругликова. М., 2005. С. 297; Бахтеева Е.И. Превышение пределов необходимой обороны: Проблемы квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1997. С. 134.

¹⁰ См.: Фаргиев И. Состояние аффекта и превышение пределов необходимой обороны // Рос. юстиция. 2001. № 1; Дмитренко А.П. Необходимая оборона: Пределы допустимого: дис. ... канд. юрид. наук: М., 1998. С. 151; Юсупов Р.М. Необходимая

оборона в законодательной и судебной практике: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 147; Попов К.И. Ответственность за превышение пределов необходимой обороны и некоторые институты общей части уголовного права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 157.

¹¹ См.: Юсупов Р.М. Состояние аффекта и превышение пределов необходимой обороны // Рос. юстиция. 1999. № 5. С. 51.

¹² См.: Ткаченко Т. Уголовно-правовое значение аффекта // Законность. 1995. № 10. С. 20.

¹³ См.: Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Б.В. Здравомыслова. М., 2001. С. 46.

¹⁴ Судебная коллегия действия осужденного переквалифицировала с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 107 УК РФ (извлечение) // Бюл. Верховного суда РФ. 2003. № 11. С. 19.

¹⁵ См.: Юсупов Р.М. Состояние аффекта и превышение пределов необходимой обороны. С. 51.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: Нагаев В.В. Указ. соч. С. 74-75.

¹⁸ Обзор надзорной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ за 2003 год // Бюл. Верховного суда РФ. 2004. № 10. С. 21.